



Виталий Шурыгин

# Шарль д'Отишамп. Герои Вандеи

За Бога и Короля. Выпуск 26

Виталий Шурыгин

**Шарль д'Отишамп. Герои Вандеи.  
За Бога и Короля. Выпуск 26**

«Издательские решения»

## **Шурыгин В.**

Шарль д'Отишамп. Герои Вандеи. За Бога и Короля. Выпуск 26 /  
В. Шурыгин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513575-9

В книге рассказывается о Шарле д'Отишампе, которого справедливо можно назвать «счастливчиком». Шарль прожил довольно долгую жизнь, начав службу при старом режиме», защищал Тюильри 10 августа 1792 года, участвовал в кампаниях 1793—96, 1799 и «ста дней» 1815, поддержал герцогиню Беррийскую в 1832 году, пережил революцию 1848 и Вторую республику, и скончался в возрасте 89 лет 6 октября 1858 года уже во время Второй империи. Подробно рассмотрены кампании 1815 и 1832 года.

ISBN 978-5-00-513575-9

© Шурыгин В.  
© Издательские решения

## Содержание

Шарль Мари Огюст Жозеф де Бомон д'Отишамп	6
Глава первая	8
глава вторая	15
глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# **Шарль д'Отишамп. Герои Вандеи За Бога и Короля. Выпуск 26**

**Виталий Шурыгин**

© Виталий Шурыгин, 2020

ISBN 978-5-0051-3575-9 (т. 26)

ISBN 978-5-4493-7910-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Шарль Мари Огюст Жозеф де Бомон д'Отишамп



На этот раз мой рассказ будет о герое Вандеи Шарле д'Отишампе, которого справедливо можно назвать «счастливчиком». Шарль прожил довольно долгую жизнь, начав службу при старом режиме», защищал Тюильри 10 августа 1792 года, участвовал в кампаниях 1793—96, 1799 и «ста дней» 1815, поддержал герцогиню Беррийскую в 1832 году, пережил революцию 1848 и Вторую республику, и скончался в возрасте 89 лет 6 октября 1858 года уже во время Второй империи.

Мало того, Шарль известен и в России! В русскоязычном интернете, есть и статья в Википедии, и в блоге «Наполеон и революция» и еще несколько статей, правда стоит отметить, что французская фамилия *d'Autichamp* в России пишется и как Дотишамп и как д'Отишамп, д'Отишам, д'Отишан и де Отишамп (стоит это учитывать при работе с поисковиком).

Все это произошло из-за передачи французского носового «м»/ «н» на письме, звука, которого нет в русском языке, кто-то слышит «м», кто-то «н», по аналогии можно вспомнить

доктора Ватсона/Уотсона, где буквы «в» и «уо» передают не существующий в русском языке английский звук «w».

Итак, я начинаю свой рассказ.

## Глава первая

8 августа 1770 года в семье профессионального военного, будущего полевого маршала, графа Антуана Жозефа Элалия де Бомон д'Отишампа, в городе Анжере или Анжу (Анже), родился мальчик, названный при крещении Шарль Мари Огюст Жозеф де Бомон д'Отишамп.

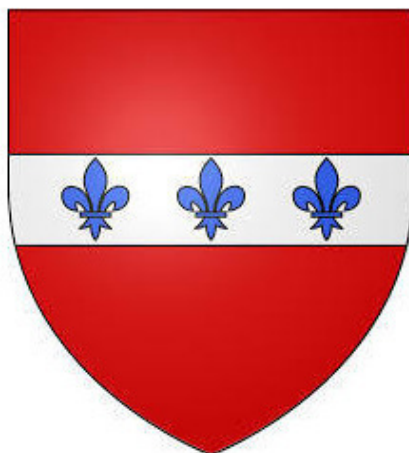


город Анжер (Анжу, Анже)

Шарль, именно так, а не полным именем, я буду называть нашего героя, был третьим сыном графа, что женился довольно рано, в двадцать два года и на момент рождения сына ему шел двадцать седьмой год.

Кстати семья мальчика владела обширными плантациями в Сан-Доминго, и граф Антуан входил в совет собственников этого острова.

Род д'Отишампов вышел из древнего города Отишампа или Отишама (сегодня это небольшой городок в департаменте Дром на Юго-Западе Франции), приставка «дэ» означает «из», что на исходе средних веков поселился в Анжере и за несколько столетий стал «своим» в графстве Анжу (ныне департамент Мен и Луара).



герб д'Отишампов

Естественно все мужчины в роду были военными, и Шарль, в двенадцать лет (!) поступил волонтером в корпус *Petite-Geandarmarie* (кстати слово «жандарм» происходит от французского *gent d'armes* «вооруженный человек» или *gens d'armes* «люди оружия», причем *gens* сокращенное *gentill*. т.е. «благородный»), что по сути сначала была королевской лейб-гвардией состоящей из людей благородного сословия, а к 1782 году эдаким аналогом «пажеского корпуса» для детей дворян (потому и *petite*). Полицейскими функциями жандармы стали заниматься с 1791 года, после упразднения старой жандармерии и создания новой, «революционной».



униформа корпуса Petite-Geandarmerie

Спустя три года, в пятнадцать лет, в 1785 году, наш герой поступает лейтенантом в «Полк Дофина», старейший пехотный полк Франции, основанный в 1667 году (службу в «Маленькой жандармерии» можно рассматривать как обучение в военном училище), а уже 20 сентября 1787 года переходит капитаном в Королевский Драгунский Полк, где в течении двух лет служит адъютантом своего дяди маркиза д'Отишампа, носящего воинское звание полевого маршала с 1780 года.



знамя «Полка Дофина»

Маркиз Жан Луи Терез де Бомон был старшим братом отца Шарля, титул «маркиз» наследуется только старшим в роду, сын маркиза носит титул «граф» (как и сын графа, то же будет граф), вплоть до смерти отца, тогда он становится маркизом.

Так и Жан Луи был сыном королевского мушкетера, маркиза Луи Жозефа де Бомона д'Отишампа, что стал маркизом после ранней смерти отца в 1747 году (но если отец прожил на свете всего 31 год, будучи убитым на дуэли, то сын проживет 92 года, в семье д'Отишампа были все долгожители!). Кстати, Луи Жозеф де Бомон, как и д'Артаньян, был лейтенантом королевских мушкетеров.

В 1789 году Жан Луи был назначен генерал-квартирмейстером армии стоящей у стен Парижа, а 20 марта 1790 года пожалован чином генерал-лейтенанта. В след за принцем Конде он отправляется в эмиграцию, и естественно, что вместе с дядей едет и его племянник адъютант, но проведя несколько месяцев в Кобленце, наш герой решает, что он больше нужен во Франции. Он возвращается в Париж и поступает в Конституционную гвардию, которая по декрету Ассамблеи должна была защищать Короля.



маркиз д'Отишамп

В ночь с 28 на 29 мая 1792 года, Конституционная Гвардия, по декрету Ассамблеи, была распущена. Король, в надежде на восстановление гвардии, отдает тайный приказ гвардейцам, оставаться в Париже и продолжать служить ему в гражданском платье, дабы в случае опасности он мог бы призвать их для своей защиты.

Наступило 10 августа 1792 года. Юный Шарль, как и многие будущие вандейцы, Лескюр Боншан, Мариньи, Лярошжаклен, Шаретт, Донисан среди защитников дворца Тюильри. Дадим слово Ламартину, вот как он описывает этот день в своей «Истории жирондистов».

*Внутри Тюильри остались только семьсот швейцарцев, две сотни плохо вооруженных дворян и сотня национальных гвардейцев, рассеянных по множеству постов; в садах и дворах оставалось несколько расформированных батальонов и пушек, готовых обратиться против дворца. Неустрашимость швейцарцев да еще сами стены дворца – только это внушало народу страх, который замедлял штурм.*

*В десять минут десятого ворота Королевского двора выломали, и национальная гвардия не сделала ни одного движения для их защиты. Несколько групп проникли во двор, но не стали приближаться к дворцу. Люди наблюдали, обменивались издали репликами, которые не имели в себе ничего угрожающего; казалось, обе стороны ожидали, что Собрание решит с королем. Вестерман первый выехал во двор с пистолетом в руке. Артиллеристы в ту же минуту сняли четыре пушки, направленные на вход во двор, и обратили их против дверей дворца. Народ отвечал на это передвижение радостными восклицаниями.*

*Швейцарцы в дверях и в окнах дворца оставались бесстрастными: они слышали крики, видели угрожающие движения, но не обнаружили ни малейшего признака волнения. Дисциплина и честь, казалось, заставили этих солдат окаменеть. Их часовые, поставленные под сводом галереи, ходили взад и вперед мерным шагом. Каждый раз, когда караульный, прогуливаясь таким образом, выходил на сторону, где находились дворы, уstraшенная толпа отступала за спины марсельцев; потом, когда швейцарцы исчезали под сводами, толпа опять возвращалась. Однако мало-помалу люди приходили в воинственное настроение и подступали все ближе ко входу на главную лестницу. Швейцарцы загородили свой пост на лестничной площадке деревянной оградой. Вне этой ограды они оставили только часовых. Караульный получил приказание не стрелять, несмотря ни на какие оскорбления. Терпение его должно было вынести все.*

*Эта терпеливость ободрила нападающих. Схватка началась игрой: смех предшествует смерти. Несколько человек из народа, вооруженных длинными алебардами с загнутыми клинками, приблизились к караульному, зацепили его за португезу и, притянув к себе силой, под громкие взрывы веселья, обезоружили и взяли в плен. Пять раз швейцарцы ставили новых часовых, и пять раз народ ими овладевал подобным образом. Громкие восклицания победителей и вид обезоруженных швейцарцев ободрили толпу, которая до тех пор еще находилась в нерешительности; вдруг она всей массой бросилась под своды; несколько неистовых человек вырвали швейцарцев из рук первых нападавших и убили безоружных ударами дубин прямо в присутствии их товарищей. В ту же минуту раздался первый выстрел – по словам одних, из ружья швейцарца, по словам других, из пистолета марсельца. Это был сигнал к схватке.*

*Первый залп швейцарцев покрыл плиты галереи убитыми и ранеными. Солдат взял на мушку человека гигантского роста и громадной толщины, который один пришиб четверых безоружных часовых, и труп убийцы лег поверх его жертв. Испуганная толпа бросилась в беспорядке к площади Карусель, несколько ружейных выстрелов, выпущенных из окон, настигли народ. Пушка с площади ответила на этот залп, но ее ядра попали в крыши. Королевский двор, усыпанный ружьями, пиками, гренадерскими шапками, опустел.*

*При виде этой картины швейцарцы сошли с большой лестницы и разделились на две колонны: одна, под началом де Салиса, вышла в садовую дверь, чтобы завладеть двумя пушками, которые находились у ворот Манежа, и провезти их во дворец; другая, в количестве ста двадцати человек, под началом Дюрлера, прошла по Королевскому двору, прямо по трупам убитых товарищей, и завладела оставленными там пушками. Но у швейцарцев не оставалось боеприпасов, чтобы употребить эти орудия в дело. Капитан Дюрлер, видя, что двор очищен, проник на площадь, выстроил там батальон в каре и открыл огонь на три стороны площади. Народ, федераты, марсельцы отступили на набережные.*

*Пока эти две колонны проходили площадь Карусель, восемьдесят швейцарцев, сотня волонтеров-дворян и тридцать гвардейцев спустились из павильона Флоры на помощь товарищам. Во время их перехода по двору Принцев картечный залп из ворот опрокинул боль-*

шое число людей из этой колонны, повредив стены и окна в покоях королевы. Численность колонны сократилась до ста пятидесяти бойцов: колонна развернулась, захватила пушки, вышла на площадь, заставив замолкнуть огонь марсельцев, и возвратилась в Тюильри через Королевские ворота. Пушки привезли обратно, и швейцарцы вступили во дворец, перенеся своих раненых на нижнюю площадку...

Если бы швейцарцы тогда имели за собой несколько корпусов кавалерии, то восстание, отраженное повсюду, уступило бы поле сражения защитникам короля. Девятысот жандармов, поставленных с вечера во дворе Лувра, на Елисейских полях, при входе на Королевский мост, было более чем достаточно, чтобы рассеять нестройные и безоружные массы народа. Но этот корпус, на который во дворце больше всего рассчитывали, сам собой потерял энергию. Уже со времени прибытия марсельцев на площадь Карусель пятьсот жандармов из Лувра выказывали все признаки неповиновения. В минуту этого колебания умов толпа беглецов, ускользнувшая с площади под огнем швейцарцев, ворвалась во двор Лувра и бросилась под копыта лошадей с криком: «Наших братьев убивают!» Услышав эти вопли, жандармы выступили из рядов и пустились в галоп по всем улицам, соседним с Пале-Роялем.

Марсельцы, узнав об отступлении части швейцарцев и видя удаление жандармов, вторично пошли вперед; вид мертвых товарищей, распростертых на площади, пьянил их жаждой мести; они ворвались под широкие своды галереи. Другие колонны, обогнув дворец, проникли в сад со стороны Королевского моста. Шесть пушек, привезенных из ратуши, обрушили на дворец ядра и картечь. Швейцарцы медленно отступили, оставляя ряды убитых, огонь их ослабел вслед за уменьшением численности. Последний ружейный выстрел прозвучал только вместе с последней угасшей жизнью. С этой минуты сражение стало просто резней. Марсельцы, жители Бреста, федераты, народ заполнили комнаты. Неистовая толпа устремилась к трупам, которые ей бросали с балконов, срывала с них одежду, тешилась их наготой, вырывала у убитых сердца, заставляла струиться кровь, как воду из губки, отрубала головы и выставляла свои позорные трофеи на потеху уличных мегер. Вооруженные шайки жителей предместий обезоруживали всех из ненависти, добываясь не добычи, а разорения. Этот общий разгром дворца даже нельзя было назвать грабежом, а скорее опустошением. Целью восстания оказалась кровь, а не золото. Народ открыто показывал свои руки – окровавленные, но пустые. Несколько обычных воров, пойманных на желании присвоить вышвыриваемые вещи, были немедленно повешены теми же людьми из народа....

Преследование жертв, старавшихся укрыться от смерти, длилось три часа. Несколько швейцарцев, спрятавшихся в конюшнях под кучами фуража, задохнулись там от дыма или были сожжены заживо. Народ как будто стремился превратить Тюильри в громадный костер. Уже конюшни, караульни, службы, окаймлявшие дворы, оказались охвачены пламенем. На площади Карусель пылали костры из мебели, картин, книг. Депутации от Собрания и Коммуны с трудом сохранили Лувр и Тюильри. Народ хотел стереть дворец с лица земли, чтобы в будущем королевский сан не смог найти себе пристанища в городе свободы. Не имея возможности сжечь камни, народ обратил свою месть на граждан, известных приверженностью ко двору или заподозренных в сострадании к королю. Самой невинной и самой знаменитой из этих жертв оказался Клермон-Тоннер.

Один из первых апостолов политической реформы, красноречивый оратор Учредительного собрания, он остановился в деле революции только на границах монархии. Он желал того идеального равновесия трех властей, которое считал осуществленным в британской конституции. Революция, которая хотела не уравновесить, а сместить прежние власти, отвергла его, подобно тому как пошла дальше Малюэ и Мирабо. Утром 10 августа Клермон-Тоннер был обвинен в том, что держал в своем доме склад оружия. Дом окружила толпа, его отвели

*в отдел Красного Креста, чтобы он дал отчет в засадах, какие будто бы устраивал народу, но обыск в доме доказал его невиновность. Народ, выведенный из заблуждения голосом честного человека, легко перешел от несправедливости к благосклонности: он рукоплескал обвиненному и с триумфом возвратил его домой. Но убийцы, которым уже указали жертву, опасались, что она ускользнет. Уволенный Клермон-Тоннером слуга собрал против своего бывшего господина неистовствующую толпу. Клермон-Тоннер устремился в особняк на улице Вожигарр и успел добраться до четвертого этажа; убийцы следовали за несчастным, убили его на лестнице, выволокли окровавленного на улицу и оставили друзьям убитого обезображенный труп. Молодая жена Клермон-Тоннера только по платью смогла опознать тело своего мужа, так оно было изуродовано.*

Нашему герою удалось скрыться в саду Тюильри, откуда смешавшись с толпой, он вышел на улицу Сент-Онор. Пересекая Гревскую площадь, он видел толпу с головами швейцарцев насаженных на пики, дальше улица Карусель и д'Отишамп запирается в комнате отеля дю Марэ, где он проживал в Париже.

Оттуда он пишет письмо Лярошжаклену и другим роялистам, договариваясь о совместном возвращении в Пуату. Переодетые клошарами, они покидают столицу и идут в Орлеан, оттуда по Луаре в замок Сен-Жем, собственность семьи д'Отишамп.

Лярошжаклен продолжает путь, а Шарль остается в замке, вновь они встретятся уже после 10 марта 1793 года в Королевской и Католической Армии Вандеи.

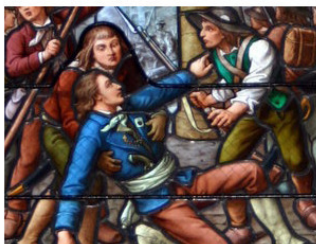
## глава вторая

В своих книгах этой серии, я уже много раз писал о начале восстания Вандеи вызванного выходом декрета о наборе 300 000 рекрутов так и о боевом пути Королевской и Католической Армии Вандеи, поэтому не буду здесь повторяться. Шарль, как и другие вожди Вандеи, был призван своими крестьянами их возглавить, и свои кузеном де Боншампом был назначен вторым командиром дивизии Сен-Флоран (Сен-Флорен), первым был Флеруа де Ла Флёрио (он, кстати, и заменил де Боншампа во время его ранения под Фонтене).



юный д'Отишамп

Можно отметить, что именно Шарль д'Отишамп вынес на своих руках раненого Кателино во время взятия Нанта 29 июня 1793 года, и под ним было убито три лошади в этот день. Он провожает героя в Сен-Флоран — Ле-Виель в дом «Сестер Святого Креста» превращенный в госпиталь, где Жак Кателино и скончался 14 июля 1793 года.



раненый Кателино

И вновь, 15 июля 1793 года, он выносит на руках раненого де Боншампа с поля боя у замка Флине и отвозит его на лечение в Жале, а три дня спустя уже сражается при Вийе, где вандейцы возьмут реванш и одержат победу над республиканцами, не смотря на численное превосходство последних (20000 республиканцев против 8000 вандейцев).



де Боншамп

Второй генералиссимус, Морис д'Эльбе, делит Армию на четыре дивизии, во главе дивизии Анжу он ставит де Боншампа с помощником д'Отишампом.



Морис д'Эльбе

26 июля д'Отишамп во главе дивизии Анжу (де Боншамп находится в Жале на лечении) атакует редуты Мюр-Эринье, что окружали Ле Понт-Де-Се. Батальон республиканцев,

что занимал берег реки Луе, был обращен в бегство. Вандейцы следуя за ними по пятам, пересекли целый ряд мостов, соединяющих два притока Луары, и захватили замок Понт-Де-Се, дойдя до городских ворот. Но успех не был закреплен, и на другой день республиканцы с подкреплением опять захватили Ле Понт-Де-Се.

29 июля две дивизии вандейцев, во главе одной был виконт де Скепо, другой д'Отишамп с двух сторон атакуют республиканскую колонну, вышедшую из Шене-Рон возле Сент-Обена.

Ни де Боншамп ни д'Отишамп не принимали участие в военном совете в Шатильоне, вынесшем решение идти на Люсон и не принимают участие в битве 30 июля оставаясь в Бокаже. Лишь 1 сентября Морис д'Эльбе призывает дивизию Анжу и 5 сентября она принимает участие во взятии Шантоне под командой нашего героя. 12 сентября он сражается с генералом Тюрро у стен Ле Понт-Де-Се, а 16 сентября принимает участие в сражении с армией Майнца.

18, 19, 22 сентября, были три сражения и одержаны три победы, под Торфу, Монтегю, Сен-Фульженом, в которых участвовала и дивизия Анжу. В октябре, ею уже командует де Боншамп, вплоть до битвы, 17 октября 1793 года в которой он был смертельно ранен.

Дадим слово мадам де Боншамп.

*– Вандейские генералы решили предпринять попытку сохранить Шоле, город огромной важности, в буквальном смысле ключ к Вандее. Боншамп и его соратники готовились к генеральному сражению. Вандейские предводители заняли позиции на холмах Сен-Кристоф-дю-Буа, убежденные в своей решимости умереть, но не дать врагу войти в Шоле. Боншамп, чья интуиция была непревзойденна, осознавая, что битва навсегда решит судьбу королевской армии, подумывал об отступлении. Он высказал столь важное предложение, чем вновь доказал свои способности и благоразумие, но, к сожалению, его осмотрительному совету никто не последовал. Все генералы согласились возложить на Боншампа план и порядок сражения, и предложенная им диспозиция вызвала всеобщее восхищение. Сигнал был дан, и вандейцы стремительно понеслись в атаку; Боншамп разбил центр республиканской армии, под свирепым Каррье, сражавшимся в первых рядах, убили лошадь. Все были захвачены битвой, они сражались плечом к плечу, ничто не мешало роялистам – но их триумф оказался обманчивым.*

*Вандейцы сметали все на своем пути, и они уже были в предместьях Шоле. Но внезапно подошли гренадеры Конвента; Майенцы двинулись вперед, и все перевернулось с ног на голову. Атакованные в поле кавалерией с фланга, роялисты были опрокинуты; напрасно их генералы старались задержать дезертиров; даже слова моего мужа потеряли свою силу. В своем последнем усилии, все предводители собрались вместе, образовав эскадрон, к которому присоединились немногие вандейские кавалеристы, и в отчаянии устремились прямо в центр вражеских рядов. Именно в этот роковой момент Боншамп был смертельно ранен и упал, обливаясь кровью. Пирон сумел пробраться к нему и, вынеся моего мужа с поля боя, спас его от попадания в руки республиканцев, которые расстреливали всех своих пленников. Его положили на носилки. Когда вандейцы увидели это, вся их храбрость вернулась к ним, чтобы они могли сопроводить и защищать его; они сплотились, окружив его, и по очереди несли его носилки пять лиг, невзирая на то, что их преследовали республиканцы. Они принесли его в Сен-Флоран, где в церкви также содержались пять тысяч пленных. До сих пор религия удерживала вандейцев от кровавых расправ. Как я уже говорила, они всегда относились к республиканцам с великодушием; но когда они узнали, что мой несчастный супруг смертельно ранен, их ярость сравнялась с их отчаянием, и они поклялись убить всех пленных. В это время Боншампа отнесли в дом мадам Дюваль в старой части города. Все офицеры его армии опустились на колени вокруг тюфяка, на котором он лежал, с великим страхом ожидая решения врача. Рана была настолько тяжелой, что не оставляла ему ни единого шанса.*

*Угрюмая печаль на окружающих его лицах подсказала Боншампу, что его ждет; он постарался успокоить горюющих офицеров; после этого он напряженно потребовал, что его последние распоряжения должны быть исполнены и приказал пощадить всех пленников, заточенных в аббатстве. Повернувшись к д'Отишампу, офицеру, к которому он был привязан больше остальных, он добавил: «Друг мой, это, без сомнения, последний приказ, который я отдам тебе; заверь меня в том, что исполнишь его».*

*– Друзья, я чувствую приближение смерти. В этот последний день моей жизни, я, как ваш командир, приказываю вам отпустить пленных.*

*Если приказ умирающего командира не имеет над вами власти, я прошу вас во имя человечности, во имя Бога за Которого вы сражаетесь! Друзья, если вы пренебрежете моей просьбой, то я буду*

*среди пленных и ваши первые выстрелы будут сделаны в меня! Я служил Богу, моему Королю, моей Родине! Простите меня за всё.*

Приказ Боншампа, отданный на смертном одре, произвел эффект, который все от него ожидали. Его насили сумели донести до всех солдат, и после того они разразились криками: «Милосердия! Милосердия! Так приказал Боншамп!» – и пленники были спасены. Благоприятные известия принесли нам некоторую надежду, и мой муж воспользовался ими, чтобы покинуть Сен-Флоран. Согласно своему желанию, он был перенесен в деревню Меллере, где, в доме рыбака, чувствуя подступающий конец, в одиночестве смог предаться исполнению религиозных обрядов. В его последние минуты ему, по счастью, помогали два почтенных священника, Куржон и Мартен; он слушал их проповедь не только с храбростью, но и с упоением. Они пообещали ему все те небесные награды, которые положены тем, кто заслужил их непорочностью своей жизни, выполнением своих обязательств и верностью своему долгу. После этой речи Боншамп, обратив глаза и руки к небу, произнес еще твердым голосом: «Да, я осмеливаюсь положиться на милосердие Всевышнего. Я не действовал ни из чувства гордости, ни из желания обрести славу, которая сгинет в вечности. Я не сражался за славу людскую. Мной двигало желание сокрушить кровавую тиранию преступлений и безбожия; если я не был способен восстановить трон и алтарь, я хотя бы защитил их. Я служил Богу, Королю и своей стране – и я знал, как прощать». Все, кто слушал Боншампа, пустились в слезы. Его вера и его горячая убежденность помогли тем чувствам, что переполняли его, проникнуть в каждое сердце. Боншамп повторил несколько раз, что ему обещали пощадить пленных и что от этого зависит он сам. После этого, с ангельским благочестием приняв причастие, он скончался на руках Куржона и Мартена.

Слезы всех храбрецов были похоронной элегией для Боншампа. Даже его враги с восхищением почтили его память. Человек, которого они называли «Представитель народа», сопровождавший западную армию, написал в Конвент: «Смерть Боншампа равноценна победе».



смерть Боншампа

Шарль д'Отишамп, теперь уже главный командир дивизии Анжу, пересекает Луару (характерно, что республиканские солдаты освобожденные по приказу де Боншампа открыли

огонь по переправлявшимся через реку вандейцам!) и проходит весь путь в Королевской и Католической Армии Вандеи вплоть до обороны Ле-Мана (город все же был взят республиканцами) 12/13 декабря 1793 года участвуя во всех битвах.

И хотя Лярошжаклен дал приказ отходить по дороге на Лаваль, в хаосе ночи 13 декабря многие вандейцы бежали по дороге на Париж и Алесон, Силе-ле-Жильям и Сабле, в соседние городки и села или просто прятались в лесу. По окрестностям Ле-Мана рыскали конные республиканские патрули, в Лавардие было убито двести человек, в Луэ-пятьсот.

Накануне, 10 декабря, Шарль сражался с республиканцами у деревни Л'Эпо, потом у моста Понтлье, где завязалось особо жестокая схватка, спустя два часа вандейцы вошли в Ле-Ман. 11 декабря прошел спокойно, на двенадцатого утром Вестерман прибыл к Понтлье в сопровождении Марсо, Мюллера и Клебера с силой в 20 000 человек. Атака началась в десять утра, на их пути стал князь Тальмон и шуаны Жана Котро, но их было мало, всего 2000 человек! Анри помчался в город, подымать остальных, многие вандейцы были « в стельку пьяны» и не держались на ногах. Ему удалось собрать только 1500 человек! Когда отряд подошел к мосту Понтлье, было уже слишком поздно, враги форсировали реку и уже входили в город. Анри де Лярошжаклен дал приказ об эвакуации. Но его уже никто не слушал, кто то пытался бежать, кто то строил баррикады, каждая улица, каждый дом оказывал сопротивление врагу. Трижды бросался в гущу врагов Анри, поднимая людей в атаку, но лишь единицы следовали за ним, в этот день под ним было убито две лошади, но Анри не был даже ранен. Бой продолжался весь день и всю ночь (республиканцы вступили в город в 3 часа дня). Анри, с двумя пушками и горсткой преданных ему людей, прикрывал беспорядочное бегство армии.

– *Трусливые солдаты, вы всегда будете бегать от врага?* – кричал он отступающим мужчинам.

Шарль в это время смог поднять лишь несколько человек из своей дивизии, возле площади Гале, они встают на пути Марсо, но к Марсо присоединяется Клебер, дальше сдерживать врага невозможно!

И хотя Лярошжаклен отдал приказ об отходе д'Отишамп оказался заперт в центре города. И тут вместе с Берне они берут в плен полковника Видалья и запираются с ним в одном из домов (для всех, для лечения раненого полковника). Видаль отдает приказ принести два комплекта формы своего полка, в который и переодеваются два роялиста.



## город Ле-Ман

Некоторое время спустя, два «республиканца» покидают Ле-Ман и едут в Каен (Кан), департамент Кальвадос, Нижняя Нормандия, а оттуда перебираются в бельгийский город Антверпен, где Шарль поселился под именем Вийема.



## Антверпен

Существует и другая версия спасения, Шарль был спасен своим кузеном Сен-Жерве, офицером дивизии Тили, что дал ему гусарский мундир. Но в итоге наш герой почти два года сражается в революционной армии Севера, считая незачем воевать в французской революционной армии на территории Голландии и Бельгии! При этом не стоит забывать, что в рядах Австрийской и Прусской Армии сражались французские эмигранты роялисты, с которыми, получается, сражался Шарль д'Отишамп.

В частности в «битве при Флёрусе» 25 июня 1794 года, где 52000 союзников (среди них был корпус де Дама, как и корпус де Биона, подчинявшийся принцу Кобургскому) столкнулись с 75000 республиканцев, подробное описание битвы дано мною в книге посвященной Клоду Огюстену де Терсье. Роялист де Терсье сражался на стороне австрийцев в корпусе де Дама, а роялист д'Отишамп в армии Севера под командой Пишегрю, пришедшей на помощь Самбро-Мааской армии Журдана.



## «битва при Флёрусе»

В мемуарах де Терсье мы можем найти рассказ о том, как недалеко от города Хертгенбос, революционными войсками был остановлен отходящий голландский гарнизон, и если голландцев отпустили, то восемьдесят эмигрантов из легиона де Беона были расстреляны.

Спаслись только два человека, что переоделись в голландскую униформу и выдали себя за голландцев. Легионы де Дама и де Беона, как раз противостояли армии Севера в Бельгии и Голландии, сдерживая её наступление!

## **глава третья**

Наступает май 1795 года, наш герой узнает о пацификации Вандеи, о том, что Стофле наконец то подписал мирный договор вслед за Шареттом и покидает армию Севера. И тут есть опять два варианта, в одном Вийем дезертирует прямо на месте, оставив после себя прощальное письмо, после чего выходит приказ об его аресте и расстреле (не стоит забывать, что д'Отишамп сражался под чужим именем), во втором едет в отпуск во Францию, где и пропадает с концами.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.